

Магия Стерв

Марина Ефиминюк

Бесстрашная

Москва

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е91

Разработка серийного оформления
С. Прохоровой

В оформлении переплета использована
работа художника *А. Дурасова*

Ефиминюк, Марина Владимировна.

Е91 **Бесстрашная / Марина Ефиминюк.** — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Магия Стерв).

ISBN 978-5-699-89058-3

В городе, где тесно переплетаются магия и интриги, неприятности поджидают на каждом шагу, но неунывающая, бойкая газетчица Катарина Войнич ради карьеры готова рискнуть головой. Судьба подбрасывает ей уникальный шанс добиться успеха и написать статью о загадочном ночном курьере-маге. Теперь бесстрашной газетчице придется использовать все таланты, чтобы разгадать тайны своего прошлого, справиться с детскими страхами и наказать виновных в смерти родителей. И еще понять, что чувствует к ней новый знакомый Ян и так ли он прост на самом деле...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-89058-3

© Ефиминюк М., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Тишину старого кладбища тревожило злое карканье ворон. Птицы примостились на золотой спирали, печально тянувшейся к небу от купола молельни, и с неодобрением следили, как гробовщики из местных раскапывали один из провалившихся могильников.

Дорожки кладбища походили на разбухший кисель, но на глубине земля оставалась промерзшей, словно монолит. Наточенные лопаты с лязгом вгрызались в мерзлоту, и на краю ямы, достававшей могильщикам до пояса, росла гора глинистых комьев.

Насильно убиенных было принято хоронить поближе к молельне, чтобы несчастные души не шарахались по миру, а искали покоя в святилище. Место располагалось в низине, и каждый год, как сходил снег, какая-нибудь могила обязательно проваливалась. Смотрители давно привыкли к весенним переездам мертвяков и даже поджидали сезона, ведь паршивая работенка неплохо оплачивалась родственниками покойников.

Могильщики исподтишка поглядывали на дорожного одетого сунима¹, приехавшего на раскопку

¹ Господин.

за полчаса до назначенного срока. Когда работники, схватившись с двух концов, с кряхтением перетащили надгробную плиту и без особенного почтения прислонили к соседнему склепу, то господин вытащил из рукава шелковый платок и принялся вытирать покрытые плесенью черные литеры. Особенно тщательно отчистив имя «*Зои Каминская*», аристократ огляделся, словно ища, куда выбросить грязный платок, а не найдя, скомкал в кулаке, то ли постеснявшись, то ли пожадничавав бросить на землю.

Раздался глухой удар о крышку гроба. Копатели заработали слаженнее, надеясь поскорее закончить с жутковатым переселением, получить монеты и выпить за упокой потревоженных душ. Земля фонтаном разлетелась из могилы, заставляя высокородного сунима пятиться назад.

Наконец показалась светлая полированная крышка детского гробика, сохранившаяся во влажной глубине даже за пятнадцать лет. Видимо, на похороны не пожалели денег, и дерево обработали специальным заклятьем против гниения.

Кое-как могильщики вытащили ящик в форме вытянутого шестиугольника, оказавшийся на удивление тяжелым. Аристократ с волнением следил за рабочими, тащившими ношу к телеге. Неожиданно один из могильщиков поскользнулся, зашатался, стараясь вернуть равновесие, но все равно, матюгнувшись, выронил гроб. Ящик рухнул на землю, крышка отлетела, и оттуда на глазах у побледневших свидетелей выкатились речные

валуны. Со звоном расколосось о камень белое личико вылетевшей из гроба фарфоровой куклы. Одним уцелевшим глазом бедняжка уставилась в серое небо.

Люди боялись пошевелиться. В пугающем безмолвии старого кладбища громко прокаркала кликуша-ворона, словно насылая проклятья на головы разорителей. Птица не понимала, что ругалась из-за пустого гроба, где никогда не лежала маленькая девочка с красивым именем Зои.

I

ГАЗЕТЧИЦА

Прятаться в шкафу театральной гримерки было паршиво, душно и темно. От костюмов, норовящих соскользнуть с плечиков, несло застарелым потом и лавандовой присыпкой. Сквозь щелку между приоткрытыми створками виднелась тускло озаренная магическими огнями комната. Лампы реагировали на движение, и в отсутствие хозяйки, восходящей звезды Жулиты, тесная комнатушка погрузилась в полумрак.

Сидя на круглых шляпных коробках, я прижимала к груди магический гравират¹ и безуспешно боролась со сном. Глаза слипались, а в голове начинали кричать чужие голоса и мелькать неясные образы.

Наверняка от долгого сидения в неудобной позе мне грозило защемление в спине, но чем не пожертвуешь ради центральной колонки в газетном листе «Уличные хроники»? Даже притаишься в шкафу театральной гримерки, лишь бы найти подтверждение скандальной сплетни о тайном

¹ Г р а в и р а т — устройство для получения и гравировки неподвижных изображений материальных объектов на слюдяной пластине при помощи магического кристалла.

романе Жулиты с королевским посланником в Гнездиче Чеславом Конопкой.

Не совладав с тягучей дремотой, я выпустила из ослабевших пальцев магический гравират. Хрупкое устройство прокатилось по коленкам, как по горке, и со звоном вывалилось на дощатый пол.

— Да чтоб тебя!

Оставалось молиться, чтобы единственная слюдяная пластина не разбилась. За магическое устройство я отвечала головой, даже расписку с оттиском большого пальца давала, что стану беречь конторское имущество не хуже девичьей чести, а потому ужасно боялась его попортить. Рискованно высунувшись наружу, я потянулась, но лишь мазнула кончиками пальцев по деревянному корпусу. Пришлось вылезти на половину торса. От движения в комнате вспыхнули яркие магические лампы. Отразились в зеркале сверкающие огоньки. Поспешно схватив устройство, я неловко втянулась обратно в шкаф, сдернув с вешалок половину несвежих театральных платьев.

Только огни остыли, как в гримерную комнату вплеснулся коридорный гвалт, и помещение вновь залил яркий свет. Затаившись под ворохом платьев, я прислушалась к голосам и звукам.

— Премного благодарна! — Голос актриски Жулиты звучал певуче. Наверняка исправляла надорванную хрипотцу, характерную для театральных актеров, магическим амулетом.

— Все подарки позже! — Импресарио пытался избавиться от прытких поклонников. — Позже, я сказал!

Сердито шибанула входная дверь, категорично звякнула щеколда.

— Достали! — процедила Жулита. — Савушка, закрой защелку, а то пролезут, как тараканы!

Через щелку между створками я видела, как она повалилась в кресло и, схватив с гримерного столика веер, принялась обмахивать лицо, лоснившееся от толстого слоя театрального грима.

— Душенька, с каждым днем твой талант все крепчает! Ты была неотразима! Не играла, а жила на сцене! — Рядом со звездой появился типчик в желтом камзоле. — По тебе плачут подмостки столицы!

— Тогда почему они плачут в Алмерии, а я сижу в занюханном Гнездиче?! — рывкнула актерка.

Даже на мой непритязательный вкус полного профана, Жулита являлась абсолютной бездарностью, а на сцене кривлялась почище некоторых паяцев в цирках шапито. Да и псевдоним выбрала похожий на собачью кличку.

— Они глупы! Но скоро, душенька, наша жизнь изменится... — глядя на актерку, с раздражением выгаскивавшую шпильки из тугих кудельков на голове, пообещал Савушка.

— Он приводил тех людей на спектакль? — за-мерев, с надеждой в голосе воскликнула она.

— При-во-дил! — по слогам отчитался Савушка.

— Им понравилось?

— Без сомнений! Гости из столицы выглядели очень довольными! Я уверен, что наш переезд — это просто дело времени!

Усатая физиономия импресарио, отраженная в кривоватом гримерном зеркале, расплылась в сытой улыбке. Жестом фокусника он вытащил из кармана для часов сложенную записочку.

— Держи, душенька!

Актерка с жадностью вырвала бумаженцию, развернула и принялась читать.

— Что он пишет? — полюбопытствовал усатик.

— Что его друг замолвит за меня словечко перед директором Алмерийского театра! — Со счастливым видом прижала письмо к груди и мечтательно улыбнулась: — Я буду выступать на большой сцене!

— Я же говорил, что нужные связи нас до столицы доведут! — довольно протянул Савушка.

— Давай же, зови его! — приказала актерка и принялась с азартом обмахиваться пуховкой, но не успел импресарио дойти до двери, как прозвучало: — Постой! Дай мне розовые благовония, я взопрела на сцене, как доярка!

— А где же они, душенька? — растерялся Савушка.

— В шкафу...

В моем шкафу?! Предчувствуя полное крушение надежд на хорошую колонку, я испуганно выпрямилась.

Савушка подошел, желтый камзол заполнил щелку между дверцами. Тут створки стали раскрываться, и у меня на лице расцвела наиглупейшая улыбка, ведь с серьезным лицом поздороваться из одежного шкафа смогла бы разве что последняя идиотка или прожженная аферистка, а я ни той, ни другой себя не считала.

— Ах, вот же они! — неожиданно воскликнула актрерка. Избежав разоблачения, я неслышно перевела дыхание.

Пока импресарио зазывал любовника подопечной, та поспешно прихорашивалась, покрыла губы алой помазулей, почмокала губами. Наконец раздался скрип открываемой двери, и в тесной гримерке прогрохотал бас:

— Ты была невероятна!

В поле зрения появился Чеслав Конопка, королевский посол в Гнездиче, и я возликовала от счастья. Меня никогда не подводило чутье настоящей газетчицы!

Поговаривали, что в провинцию из столицы его отправили за какую-то нелицеприятную историю, сильно досадившую Его Величеству.

— Чеслав, как вы уговорили их прийти на премьеру? — грудным голосом воскликнула Жулита.

— Я не уговаривал, моя нима¹. Слава о вас давно достигла столичных гостиных!

Посол взял маленькую ручку актрерки и, прикрыв глаза, страстно прижался губами к ладошке.

¹ Госпожа.

Через секунду, к моему абсолютному восторгу, он сдернул девицу с кресла и сжал в страстных объятиях.

— Стойте же, безумец! — слабо отмахивалась она. — Закройте дверь! Вдруг кто-нибудь войдет?

— Наплевать! Пусть все знают, что я пылаю к вам чувствами! — запальчиво заявил посол, но меж тем даму из рук выпустил и дверь закрыл на щеколду.

В страстном порыве, голодный до женской ласки, он опрокинул любовницу на золотистую козетку. Мелькнув туфельками, Жулита повалилась на подушки, и до меня донеслись чмоки, охи и невнятное бормотание гудящим посольским басом.

Найти удачный ракурс через щелку между дверными створками у меня никак не получалось. Ведь переплетенные ноги любовников совершенно не тянули на центральную колонку, а только на нагоняй от шефа — за испорченную слюдяную пластину. Прикусив губу, я осторожно приоткрыла дверцы, отозвавшись неожиданным скрипом. Охваченная страстью парочка не заметила подозрительной активности, а мне удалось высунуться настолько, чтобы разглядеть картину прелюбодеяния во всех смущающих деталях и мазках.

Шефу должно было понравиться!

Мысленно потирая руки в предчувствии премии, я сняла с объектива гравирата крышку. Раздался тихий щелчок, и объятия любовников навсегда запечатлелись на слюдяной пластинке.

Добыв отличный оттиск, я попыталась залезть обратно в платяное нутро, но неуклюже запуталась в ворохе платьев. Шкаф истерично затрясся, гравират стал ускользать из рук. Пытаясь его поймать, завернутая в кокон тряпья, как большая гусеница, я вывалилась наружу.

Любовники отпрянули друг от друга, как ошпаренные из ушата коты, и стали поспешно поправлять одежду. Пока я барахталась на полу, освобождаясь от тряпичных пут, Конопка завязывал шнуровку на приспущенных штанах, а Жулита натягивала на плечи платье.

— Добрый вечер! — прокаркала я и резво вскочила на ноги.

— Нима, вы кто такая?! — остолбенел посол.

— Катарина, — для чего-то прояснила я и мгновенно соврала: — Помощница театрального иллюзиониста.

— Но в театре нет иллюзиониста, — ошеломленно пробормотала Жулита с дивана.

— А с кем же я, по-вашему, на чердаке репетировала?

— А почему из шкафа вывалилась?! — взвился посол.

— Так ведь фокус такой! — удивленно развела я руками. — Меня маг в шкафу на чердаке запер, палкой по дверце поколотил, а вывалилась я уже отсюда. Магическое перемещение в пространстве. Слышали о таком?

Любовники, выказывая завидное единодушие, воззрились на разоренный шкаф с перемятыми шляпами и сорванными с вешалок костюмами.

— Какой еще палкой? — выдавил из себя Чеслав Конопка, видимо, подозревая меня в буйном помешательстве.

— А что, вы знаете много палок? — фальшиво удивилась я.

— Я вообще не знаю палок.

— Так, может, я вам ее принесу?

— Что?

— Волшебную палку, которая из чердака в гри-мерку перемещает, раз шкаф вы уже видели. Может, вам тоже захочется?

— Переместиться на чердак?

— Зачем на чердак? Из дома прямо сюда. Перемещение без пересадок. — Я прошмыгнула к двери.

— Нима, а разве ж у вас в руках не гравират? — растерянно уточнила актерка.

Смешавшись, я посмотрела на магическое устройство, выдававшее во мне профессиональную охотницу за скандалами, и делано хохотнула:

— Так эта штука гравиратом называется? Надо же...

В следующий момент я рванула щеколду и, выскочив в коридор, пихнула плечом дежурившего под дверьми посольского стража.

— Отберите у нее гравират! — донеслось мне в спину.